

Шальнова София Александровна

студент магистратуры
Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия

**КОРПОРАТИВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СЕО-АКТИВИЗМА:
КЕЙС ИЛОНА МАСКА И КОМПАНИИ TESLA****Аннотация**

Статья посвящена анализу трансформации корпоративной политической активности (КПА) в условиях персонализированного СЕО-активизма на примере Илона Маска и компании Tesla Inc. Эмпирически выявлено структурное противоречие между персональными политическими целями СЕО и интересами корпорации, в связи с чем вводится понятие «диссонансной КПА». На основе анализа данных Федеральной избирательной комиссии, OpenSecrets, Йельского университета (NBER) и Федеральной закупочной системы США за 2022-2025 гг. показано, что политическая активность Маска привела к двойному провалу: потери розничных продаж в демократических округах и неспособности заместить спрос госзакупками. Делается вывод о необходимости различения конгруэнтной и диссонансной КПА и о границах конвертации политического капитала в экономические преимущества.

Ключевые слова: корпоративная политическая активность, СЕО-активизм, лоббизм, Илон Маск

Актуальность. Границы между экономической и политической сферами в современном цифровом капитализме становятся проницаемыми. Крупные корпорации не только адаптируются к государственному регулированию, но и участвуют в его формировании, инвестируя ресурсы в лоббирование, электоральное финансирование и публичные кампании. В США, где Первая поправка к Конституции и прецедентное право создали широкие легальные возможности для политического участия бизнеса, этот процесс институционализирован наиболее полно.

Особый интерес для исследователей представляет феномен «СЕО-активизма» - сознательного выбора первым лицом компании публичных политических высказываний и действий, выходящих за рамки непосредственно связанных с бизнесом вопросов [8]. Илон Маск, генеральный директор Tesla Inc., SpaceX и владелец платформы X, является наиболее ярким и в то же время противоречивым примером такого активизма. Его политическая активность, сопоставимая по масштабу с усилиями крупных партийных комитетов, создала уникальную ситуацию: интересы корпорации и политические амбиции её лидера вступили в измеримое противоречие с экономическими показателями компании.

Цель статьи – на основе эмпирических данных за 2022-2025 гг. проанализировать механизмы, эффективность и экономические последствия КПА

Илона Маска и компании Tesla, выявив пределы применимости классических теорий КПА в условиях персонифицированного CEO-активизма.

Исследования корпоративной политической активности прошли путь от макроуровневых политологических парадигм (плюрализм Р. Даля, неокорпоративизм Ф. Шмиттера) к микроуровневым теориям, объясняющим мотивацию отдельной фирмы. Инвестиционный (стратегический) подход, развитый А. Хиллман, Г. Кеймом и Д. Шулером [6], трактует КПА как рациональные вложения в политический капитал для снижения регуляторных рисков и получения доступа к государственным ресурсам. Агентский подход М. Дженсена и У. Меклинга, напротив, акцентирует конфликт интересов менеджеров и акционеров: непрозрачные политические расходы могут служить извлечению частных выгод управленцами в ущерб акционерной стоимости [2].

Неоинституционализм (П. Димэджио, У. Пауэлл) и теория ресурсной зависимости (Дж. Пфеффер, Дж. Салансик) добавили к этому анализу институциональный и сетевой контекст: компании копируют практики КПА не только из соображений эффективности, но и для поддержания легитимности (изоморфизм), а успех политического влияния зависит от места фирмы в сети зависимостей и доступа к закрытой информации [3].

Однако классические модели исходят из предпосылки о конгруэнтности - синхронизации корпоративных интересов и действий лиц, принимающих политические решения. Кейс Tesla и Илона Маска демонстрирует принципиально иную конфигурацию. Целеполагание в КПА Маска является двухуровневым:

1) Корпоративные цели: принятие федерального закона о единых стандартах автономного вождения, сохранение налоговых льгот для покупателей электромобилей, доступ к федеральной зарядной инфраструктуре.

2) Персональные политические цели: обеспечение победы Дональда Трампа на выборах 2024 года, получение поста руководителя Департамента эффективности правительства (DOGE), создание долгосрочной институциональной основы для политического влияния (America PAC).

Разрыв между этими уровнями порождает феномен, предлагаемый автором обозначать как «диссонансная КПА» – структурное противоречие между персональными политическими амбициями CEO и интересами возглавляемой им корпорации. В отличие от «конгруэнтной КПА», где политические инвестиции работают на рост акционерной стоимости, диссонансная КПА создает дополнительные

источники риска: от бойкота потребителей до конфликтов внутри коалиции поддержки.

Исследование выполнено как кейс-стади с использованием качественного анализа документов (законодательные акты, судебные решения, раскрытия SEC, лоббистские реестры), вторичного анализа количественных данных Федеральной избирательной комиссии (FEC), OpenSecrets, Федеральной закупочной системы (FPDS), инвентаризации автопарка GSA и данных Национального бюро экономических исследований США (NBER). Период анализа охватывает 2022–2025 финансовые годы. Для оценки рыночных последствий использованы эконометрические оценки, выполненные исследовательской группой Йельского университета под руководством К. Гиллингема [5].

В отличие от традиционных корпоративных PAC, чьи годовые бюджеты исчисляются сотнями тысяч долларов, Маск использовал личное состояние как основной ресурс политического влияния. По данным FEC, в избирательный цикл 2024 года общий объём его пожертвований в поддержку республиканских кандидатов превысил 250 миллионов долларов. Структура финансирования была многослойной:

America PAC – супер PAC, созданный Маском для поддержки кампании Дональда Трампа. Объём собранных средств составил 238 млн долл., из которых 157 млн были непосредственно израсходованы на поквартирные обходы, мобилизацию избирателей и цифровую рекламу.

RBG PAC – 20 млн долл., направленные на рекламу, утверждавшую совпадение взглядов Трампа и покойной судьи Верховного суда Рут Бейдер Гинзбург по вопросу об абортах (что вызвало публичную критику со стороны внучки Гинзбург).

MANA Alliance – 3 млн долл. в супер PAC, связанный с Робертом Ф. Кеннеди-младшим, фокусировавшийся на вопросах общественного здравоохранения.

Кроме того, Маск реализовал прямую электоральную интервенцию в ключевом колеблющемся штате Пенсильвания: ежедневная раздача 1 миллиона долларов зарегистрированным избирателям, подписавшим петицию в поддержку Первой и Второй поправок. Юридическая конструкция создала «серую зону» между законным финансированием политической пропаганды и прямым подкупом избирателей, что вызвало обеспокоенность генерального прокурора штата. Губернатор Джош Шапиро охарактеризовал эту практику как стирание границы между «тёмными деньгами» и прямым подкупом [4, 7].

На уровне федерального законодательства Tesla через вице-президента по автомобильному инжинирингу Ларса Морави в феврале 2026 года лоббировала принятие единого федерального закона о стандартах автономного вождения, апеллируя к статистике безопасности (5,1 млн миль на серьёзное столкновение при включённой системе FSD против 699 тыс. миль у человека) и национальной конкурентоспособности (недопущение отставания США от Китая). Однако принципиально иной уровень воздействия был достигнут на уровне штата Техас, куда Маск перенёс штаб-квартиры Tesla, SpaceX и X.

В ходе законодательной сессии 2025 года лоббисты Маска добились принятия почти десятка законопроектов, прямо выгодных его компаниям. Наиболее значимым стал процесс, предлагаемый автором обозначать термином «институциональная конвертация» - создание частной корпорацией новых политических субъектов и присвоение элементов публичной власти. Конкретно: была проведена инкорпорация города Starbase вокруг пусковой площадки SpaceX; затем через Техасскую космическую комиссию (в совет директоров которой входит бывший топ-менеджер SpaceX) городу были переданы полномочия по закрытию общественных пляжей и шоссе – функций, традиционно относящихся к исключительной компетенции публичной власти. Дополнительно были приняты законы о запрете дронов над космодромами, о включении космодромов в список объектов критической инфраструктуры и об ограничении судебных исков со стороны сотрудников космических компаний.

На первый взгляд, политическая активность Маска была успешной: он добился доступа к исполнительной власти (пост главы DOGE) и регуляторных преференций на уровне штата. Однако эмпирический анализ экономических последствий выявляет обратную картину.

Исследование Йельского университета [5], основанное на регистрационных данных по округам США в разбивке по политическим предпочтениям, показало: после приобретения Маском Twitter (октябрь 2022 года) продажи Tesla в преимущественно демократических («синих») округах оказались на 67-83% ниже прогнозируемого уровня. При этом в тех же округах продажи электромобилей других марок (Ford, GM, Rivian) выросли на 17-22% выше ожиданий. Общие потери за 2022-2025 гг. оцениваются в диапазоне от 1 до 1,26 млн автомобилей. Социологические данные подтверждают политическую поляризацию бренда: доля негативно относящихся к

Маску среди сторонников Демократической партии выросла с 28% (март 2021 г.) до 92% (апрель 2025 г.).

Анализ данных FPDS, GSA Fleet Inventory и USASpending показал, что совокупный объём прямых контрактов между правительством США и Tesla Inc. за 2022–2025 гг. составил лишь 127 миллионов долларов. Для сравнения: Ford Motor Company и General Motors имеют рамочные соглашения с GSA на суммы, на порядки, превышающие этот показатель, и занимают около 73% парка правительственных электромобилей. Причины имеют институциональный характер: Федеральные правила закупок (FAR) требуют от поставщика наличия развитой дилерской и сервисной сети для обслуживания в удалённых регионах, что противоречит бизнес-модели Tesla, основанной на прямых продажах. Кроме того, для оборонного сегмента требуется сертификация по военным стандартам (MIL-STD), которой Tesla не обладает.

Кульминацией диссонансной КПА стал публичный разрыв между Маском и президентом Трампом в июне 2025 года. В день эскалации конфликта акции Tesla упали на 14%, личное состояние Маска сократилось на 34 млрд долларов (второе по величине однодневное падение в истории индекса миллиардеров Bloomberg), а общая капитализация компании снизилась на 68 млрд долларов.

Полученные эмпирические данные позволяют сформулировать три основных результата, имеющих теоретическое значение.

Парадокс асимметричной устойчивости. Коалиция поддержки Маска, построенная по принципу вертикальной интеграции (личное состояние → America PAC → партийное руководство → отраслевые группы в Техасе), демонстрирует высокую концентрацию ресурсов и оперативность принятия решений, но крайне уязвима к разрыву персональных связей. Напротив, фрагментированная коалиция противодействия (движение Tesla Takedown, демократические генеральные прокуроры, экологические активисты, недовольные акционеры) слабее в краткосрочной перспективе, но более устойчива в долгосрочной.

Институциональная конвертация как расширение границ КПА. Феномен создания корпорацией нового муниципального образования (Starbase) с делегированными властными полномочиями выводит КПА за пределы лоббизма и финансирования кампаний, ставя перед политической наукой вопрос о легитимности присвоения частными акторами элементов публичной власти.

Двойной провал диссонансной КПА. Политический капитал CEO не является универсальным ресурсом, конвертируемым в рыночные преимущества на любом рынке. Его эффективность ограничена двумя типами факторов: социокультурными (ценностная идентичность потребительской базы — либеральные покупатели электромобилей отвернулись от политизированного бренда) и институциональными (формальные правила закупочных систем, FAR, обладающие собственной логикой развития, независимой от текущей политической конъюнктуры).

Обсуждение и заключение. Кейс Tesla и Илона Маска демонстрирует пределы применимости классических теорий КПА. Инвестиционный подход, постулирующий прямую положительную связь между политическими инвестициями и экономическими результатами, не учитывает возможность диссонанса между персональными целями CEO и корпоративными интересами. Агентский подход, напротив, получает здесь убедительное эмпирическое подтверждение: менеджер (Маск) использовал корпоративные ресурсы (свою публичную связь с брендом, медийную платформу) для достижения личных политических целей, нанеся измеримый ущерб акционерной стоимости.

С практической точки зрения, полученные результаты могут быть использованы советами директоров высокотехнологичных компаний для разработки политик ограничения политической активности CEO и оценки репутационных рисков, связанных с персональной политической позицией первого лица. Для регуляторов актуальным является закрытие «серой зоны» между тёмными деньгами и прямым подкупом избирателей, а также адаптация правил государственных закупок к новым бизнес-моделям прямых продаж.

Ограничения исследования связаны с уникальностью кейса (концентрация собственности, масштаб личного состояния Маска, специфика технологического сектора), что требует осторожности при генерализации выводов. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ диссонансной КПА в других компаниях (Meta / М. Цукерберг, Amazon / Дж. Безос), а также на изучение реакции институциональной системы (судебные прецеденты, законодательные инициативы) на феномен институциональной конвертации.

Список использованных источников

1. Дегтярёв А.А. «Свой среди чужих»: GR-менеджмент как политическое управление в арсенале «неполитических» агентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 348–367. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-348-367. EDN: YYTTLQ
2. Aggarwal R.K., Meschke F., Wang T. Corporate Political Contributions: Investment or Agency? // SSRN Electronic Journal. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/251194688_Corporate_Political_Contributions_Investment_or_Agency
3. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
4. Denes M., Scanlon M.M. Shining a Light on Firms' Political Connections: The Role of Dark Money // Review of Corporate Finance Studies. 2025.
5. Gillingham K.T., Kotchen M., Levinsohn J.A., Nalebuff B.J. The Musk Partisan Effect on Tesla Sales // NBER Working Paper No. 34413. 2025. URL: <https://www.nber.org/papers/w34413>
6. Hillman A.J., Keim G.D., Schuler D. Corporate Political Activity: A Review and Research Agenda // Journal of Management. 2004. Vol. 30(6). P. 837–857. DOI: 10.1016/j.jm.2004.06.003. EDN: LNKTER
7. ProPublica / The Texas Newsroom. Everyone is Watching Musk's Influence on D.C. Politics. But What About Texas? // The Boston Globe. July 5, 2025. URL: <https://www.propublica.org/article/elon-musk-texas-lobbying-influence-legislature>
8. Swarnodeep Homroy, Mkrtchyan A., Sandvik J. Understanding CEO Activism // Oxford Business Law Blog. 2025. URL: <https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2025/01/understanding-ceo-activism>